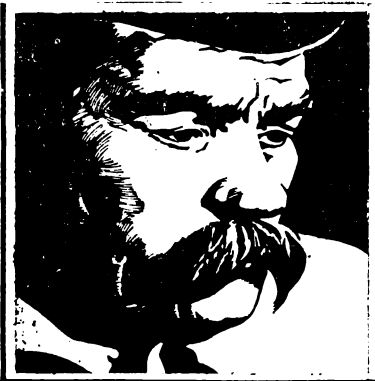

Да здравствует Великая Победа, твоя Победа, сорок пятый год!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

УРАЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

№ 15 (2023)
ПОНЕДЕЛЬНИК,
6 МАЯ
1985 г.
Газета издается
с 1934 г.

Цена 2 коп.

ОРГАН ПАРТКОМА, КОМИТЕТА ВЛКСМ, ПРОФКОМОВ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СОТРУДНИКОВ, СТУДЕНТОВ, РЕКТОРАТА ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

Марк Лисянский

Победа

Победа вышла из метели,
Она возникла из огня,
Глаза Победы посветили,
Как у тебя и у меня.
Рожденная на поле боя
Под сокрушительным огнем,
Она приходит майским днем
Под шум зеленого прибое.

К нам, кто пути ее измерил,
Кто по смятым бессонным глаз,
Кто с первых дней в нее поверил,
Она приходит в этот час.
На лбу, грозною опаленном,
Морщинки враны резцом.
И мы любуемся влюбленно
Ее обветренным лицом.
Мы все — солдаты и поэты,
И нам доступна красота,
Видна со всех концов планеты
Победа, словно высота.
И счастливы те, кто на отрогах
Той бесконечной высоты
В чертах таинственных и строгих
В друг узнает свои черты.

40

1945 ★ 1985

ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

С нетерпением ждет наша страна праздник — День Победы. День, который четыре долгих года приближали советские люди своим самоотверженным трудом на ратном поле и в тылу. На фронт ушло более трехсот студентов и преподавателей нашего университета. Семьдесят из них отдали жизнь за Родину.

Мужество и отвагу в боях за Родину проявляли многие воины, ныне ветераны войны, работающие в Уральском государственном университете. В первые дни войны вступили в бой В. А. Кузнецов, В. В. Адамов, Д. И. Раевский и другие. Первые два вышли из строя по ранению в 1941 году, а Д. И. Раевский воевал до окончания войны. В Ясско-Кишиневской, Корсунь-Шевченковской операциях, в боях за Будапешт участвовал лейтенант, командир танкового взвода, ныне доцент химического факультета М. Е. Простаков, сержантом-пулеметчиком воевал И. Ф. Плотников, ныне профессор, зав. кафедрой, трудный путь военного разведчика познал С. П. Яков, в 20 лет ставший инвалидом войны. Ныне Степан Петрович успешно трудится

на кафедре искусствоведения. Боевой путь прошли и женщины — медицинской сестрой Г. С. Калугина, связистом — З. И. Раевская, пулеметчиком — И. И. Щербакова, — зенитчиком — И. А. Якушева, шофером — Л. С. Манина. В университете работают и состоят на учете 55 ветеранов войны. Это люди мужества, отваги, бесстрашия. Они успешно работают, часто выступают.

В дни празднования 40-летия Великой Победы хочется выразить всем им искреннее чувство признательности, уважения. Чествуя победителей, мы говорим, о неразрывной связи фронта и тыла. В 1941-45 годах каждый из обучающихся в нашем вузе отработал пять месяцев на сельскохозяйственных, строительных и других оборонных работах. Так, летом 1941 года отряд в 500 человек — более половины студентов дневного отделения — ударно работал на строительстве завода в Алапаевске. В декабре того же года за 12 дней были построены временные цехи. Строительство Свердловского инструментального завода имени Фрунзе, Лосинское торфопредприятие, колхозные поля, военные

госпитали — вот где проводили свое внеаудиторное время студенты тех огненных лет.

40 лет прошло с тех пор. За это время изменилась наша страна, изменился мир, выросло два поколения, не знающих войны. Война стала историей. Но история войны незабываема. Ее надо знать. «Каждое новое поколение, вступающее в жизнь», — говорил М. С. Горбачев, — обращается к ее истокам, ибо гражданская и политическая зрелость неотделима от истории страны, от ее героических страниц. Советский патриотизм был и остается одним из величайших духовных завоеваний нашего строя. И мы должны с особой бережностью и партийным вниманием сохранять и приумножать это достояние, ибо нет более высокого чувства, чем любовь к Отчизне, верность интернациональному долгу». Наша задача приумножать революционные, боевые и трудовые традиции.

С. КОЗЬМИН,
полковник в отставке, участник Великой Отечественной войны, председатель совета ветеранов.

Торжественное

собрание

В актовом зале университета состоялось торжественное собрание, посвященное Дню Международной солидарности трудящихся — 1 Мая.

С докладом на нем выступил заведующий кафедрой истории КПСС ИПК преподавателей общественных наук доктор-профессор И. Ф. Плотников.

И. Ф. Плотников напомнил собравшимся о той огромной работе, которую проводил в годы войны коллектив нашего университета, переименованного 22 февраля 1945 года из Свердловского в Уральский.

Продолжением славных традиций того героического времени является деятельность преподавателей и сотрудников университета в наши дни.

Накануне славного праздника большой группе преподавателей и сотрудников университета были вручены медали «Ветеран труда».

В честь

славной даты

4 мая коллектив сотрудников, преподавателей и студентов принял участие в коммунистическом субботнике, посвященном 40-летию Победы советских войск над фашистской Германией. Ударно потрудились студенты на благоустройстве закрепленной территории и внутреннего двора университета. 800 юношей и девушек с энтузиазмом наводили порядок вокруг здания, чтобы к Дню Победы оно выглядело празднично и нарядно. Преподаватели добросовестно потрудились на своих рабочих местах.

В Фонд мира

Коллектив Уральского государственного университета закончил сбор средств в Фонд мира уже к середине апреля. В этот год, год 40-летия Победы, университет перечислил в Фонд мира 10 тысяч 164 рубля, это почти на тысячу рублей больше, чем в прошлом году.

Полуторадневный заработок перевели в Фонд мира: факультет журналистики, общеуниверситетская кафедра истории КПСС, больше однодневного заработка перечислили: исторический факультет, сотрудники кафедры военной подготовки, слушатели ИПК, профгруппа ректората.

Как и в прошлом году, 50 рублей перечислил в Фонд мира профессор Н. С. Новоселов. Активно участвуют в этом патриотическом движении профессора И. А. Дергачев, Л. Н. Коган, К. Н. Любутич, В. Г. Чуфаров, М. Е. Главацкий, В. Н. Фоминых, и. о. профессора Ю. И. Фомин, доценты Ю. И. Репин, В. В. Кельник, Л. М. Майданова, В. Г. Сесянин.

40 ЛЕТ ПОБЕДЫ

● ПОРТРЕТ ВЕТЕРАНА

Сергей Георгиевич Александров проработал в гражданской и военной журналистике 30 лет. От сотрудника многоголетражной до собственного корреспондента центральной газеты. В его профессиональной биографии есть страницы, связанные с газетой «Доброволец» Уральского добровольческого танкового корпуса. С ним он вступил в войну, с ним и закончил.

На двух машинах уместили все газетное хозяйство. В кузове одного автомобиля поставили тигельную печатную машину, рядом шрифтовые кассы, тут же — постели для девушек-наборщиц. В другом — запас бумаги и прочее

имущество. Так в начале сорок третьего и поехали вслед за уральскими танками.

С 1960 года Сергей Георгиевич работал на кафедре теории и практики печати старшим преподавателем. Читал лекции о газетных жанрах, о постановке военно-патристической пропаганды.

Пять лет работы деканом факультета журналистики. И снова работа не «от и до», а до тех пор, пока не будет сделана. И снова «выкладывание» на полную катушку, без спастических мыслей об экономии сил, нервов.

Вряд ли все это дало только война, нет. Но то, что она заставляла

жить сразу по максимуму, без затяжной подготовки, без того, чтоб оставлять «на потом», бесспорно.

Редко партийное собрание на журфаке проходило без участия, нет, не просто участия, а энергичного и страстного выступления Сергея Георгиевича Александрова. И здесь фронтовик, член КПСС с 1932 года, ветеран войны и труда не отстал в стороне.

К сожалению, Сергей Георгиевич не дожидаясь светлого дня 40-летия Великой Победы. Его не стало 5 мая, в День печати, которой он отдал всю свою жизнь.

Фото Е. Лихачева.

● ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ

С ВЕРНЫМ «МАКСИМОМ»

Вспоминается один из эпизодов тяжелого и жаркого сражения за освобождение города Запорожье и ликвидация последнего опорного плацдарма гитлеровцев на левом берегу Днепра.

Я был тогда командиром расчета пулеметной роты полка, старшим сержантом, комсомольцем, только что встретившим свое восемнадцатилетие. Мой военный опыт исчислялся тремя месяцами.

В ночь на 1 октября 1943 года мы с расчетом, с нашим верным «максимом» продвинулись вперед, заняли позицию на опушке, окопались. С рассветом должно было начаться общее наступление советской группы войск, нацеленных на запорожский плацдарм противника.

Рассвет оказался необычным: озарился всполохами множества артиллерийских и минометных орудий. Никогда еще прежде я не видел такого массированного огня наших славных «катюш»!

По сигналу пехота при поддержке танков двинулась в наступление. Враг встретил нас сильным артиллерийско-минометным, пулеметным и ружейным огнем. Под-

ать огневые точки врага нашим артиллеристам удалось лишь частично. Наш пулеметный расчет включился в «работу» и повел огонь по позициям противника. Вскоре он перешел в контратаку. Наш «максим», участвующий в сражении, работал почти безостановочно: ствол и кожух нагрелись до предела. По врагу била наша полевая артиллерия, танки, минометы, пулеметы. Атака была отбита.

Наш расчет сменил позицию, продвинувшись вперед. Минометный огонь противника стал еще сильнее. Первой жертвой был подносчик Миша: раненный крупным осколком в живот, он скончался.

Под вечер опять началась атака. Мы поддерживали ее. Но почти в самом начале были обнаружены противником и подвергнуты сильному обстрелу. Два моих боевых товарища погибли в первые минуты обстрела. Мы остались вдвоем с раненым в руку молодым солдатом из Узбекистана. С трудом перетащили пулемет и коробки с лентами на новое место и вышли из зоны прицельного обстрела.

Я залег за пулемет, повел огонь по позициям противника, которые были довольно близко и потому хорошо видны. Но через несколько минут, когда наши бойцы-пехотинцы были уже в каких-нибудь 50 метрах от траншей гитлеровцев, был убит мой уже раненный помощник. Я получил пулевое ранение в голову.

Меня отправили в госпиталь. Главный итог наступления — враг был выбит с передовых позиций.

Упорные бои за Запорожье после кратковременного и относительно затишья продолжались еще несколько дней, 10—14 октября, но без моего участия, без нашего пулеметного расчета. С болью в сердце вспоминаю гибель пулеметного расчета, молодых, замечательных парней, моих первых боевых товарищей и друзей.

В мае 1980-го мне довелось побывать на встрече ветеранов в Запорожье. Мирная жизнь преобразила город. Но, взглядывая в улицы, я вспоминал другое, военное время, давнее мне право испытать чувство сопричастности к мирному сегодня.

И. ПЛОТНИКОВ, гвардии подполковник запаса, профессор, доктор исторических наук.

«Книга про бойца» Александра Твардовского пришла по душе фронтовикам. Вместе с бойцами шагала она по дорогам войны. С Василием Теркиным переписывались, у него спрашивали совет, нашли и такие, что решили продолжить поэму.

Поэма близка фронтовикам, потому что в ней рассказывается о событиях, которые они пережили сами. Это повествование о жизни солдата на войне. Мы попросили участников Великой Отечественной войны университета, отталкиваясь от литературной основы, вспомнить эпизоды из фронтовой жизни.

Переправа, переправа! Берег левый, берег правый, Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава, Кому темная вода, — Ни примет, ни следа.

Алексей Порфирьевич Федоров, главный инженер университета, был в годы войны начальником штаба инженерного батальона. Его задачей было строить переправы для продвижения наших войск.

— За годы войны, а воевал я с августа 1941 года до Дня Победы, — рассказывает ветеран, — приходилось не только строить, но и взрывать мосты (это чтобы враг не прошел). Первый мост военного времени строил перед подходом к Смоленску, на реке Осьва для прохода 60-тонных танков КВ. Второй — на Днепре, когда освобождали Смоленск и надо было быстро наладить паромную переправу, чтобы пропустить наши части, шедшие в наступление. Потом участвовал в большом Оршанском наступлении 3-го Белорусского фронта. Так от города Орша до реки Неман и сопровождал самоходные танки. Потом назначили командиром переправы. Мы навели мост 450 метров с понтонами и в течение двух дней пропустили 5 дивизий.

Для меня фронтовые дороги шли по рекам и болотам — ведь я сооружал мосты. Победу встретил в Праге.

И война — не та работа, Ясно даже простак, Если по три самолета В помощь придано штыку.

И не те как будто люди, И во всем иная суть, Если танков и орудий — Сверх того,

что негде стать. Сила силе доказала: Сила силе — не равня. Если металл прочней металла,

Есть огонь страшней огня! Владимир Антонович Черепов, старший преподаватель кафедры истории искусства, в годы войны — гвардии младший сержант.

— На фронт я попал в июне 1944 года, в Карелию. Тогда уже было очевидным, что мощь нашей армии, ударная ее сила не-

РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

измеримо велики. Уже первая артподготовка на Карельском фронте буквально ошеломила всех, показав всю силу и мощь нашей армии. Оборона, создаваемая с 1941 по 1944 год, была очень крепка.

Вскоре Финляндия вышла из войны, и я был направлен в Белоруссию, где еще ярче проявилась сила и высокая техническая оснащенность нашей армии. Если мы начали войну с 45-миллиметровыми пулеметами, которые переносили на руках, то позднее появились 100-миллиметровые, пробивавшие броню танка. И таких примеров можно привести много.

Озабочен я сейчас. Лишь одной задачей, Чтоб попасть в родную часть,

Никуда иначе. С нею жил и воевал, Курс наук усвоил. Отступая, пыль глотал, Наступая, снег черпал. Валенками воин.

Федор Николаевич Рекун — и. о. профессора, заведующий кафедрой философии естественных и гуманитарных факультетов.

— Вспоминается эпизод января 1945 года, наша 26-я армия передислоцировалась с Карельского фронта на 3-й Украинский. В дороге я приболел и был оставлен в Румынии, в госпитале в тяжелом состоянии.

За годы войны настолько сжился с товарищами, что не видел ничего, что было бы дороже фронтовой дружбы. И казалось, ничто не разлучит тебя с однополчанами. Поэтому в госпитале, придя в сознание, я забеспокоился не столько о собственном здоровье, сколько о том, как вернуться в свою часть. И было о чем думать: я — в Будзу, маленьком румынском городишке, а родная рота, где-то в Венгрии, под Балатоном. Где именно — никто, по понятным причинам, сказать мне не мог. На свой страх и риск «пробрался» через Румынию, Венгрию и даже чуть-чуть прихватил (пришлось пересечь) Югославию, и в круговерти, вызванной прорывом немцев под Балатоном, все-таки разыскал свою часть. Может быть, тогда впервые узнал, что такое неподдельная радость: мне казалось, что вся рота сбегалась качать меня, еще бы, меня уже списали и похоронили, а я — вот он! — в полном порядке. «Нашего полку прибыло!».

Разумеется, больше всех вместе взятых радовался я: «Наконец-то я дома!»

Фронт налево, фронт направо. И в февральской южной мгле Страшный бой идет, кровавый, смертный бой не ради славы,

Ради жизни на земле. Николай Савельевич Навоселов, профессор, зав. кафедрой научного коммунизма.

— Шла операция «Багратион», стоял июнь сорок четвертого... На Минск пытались прорваться окруженные гитлеровцы. Наша часть стояла на пути главных сил фашистов. Стояли мы на высоте, а перед нами целое поле спелой ржи... Вот по этому полю немцы и ползли. Не видно их было, только рожь колеблется, и ничего больше... Стреляли почти наугад, в шевелящиеся колоса. Когда становилось особенно трудно, приходили на помощь реактивные минометы — стреляли на опушке леса.

Не смогли гитлеровцы прорваться на нашем участке, изменили направление.

Приходилось и нам на Калининском фронте выходить из окружения. Технику пришлось взорвать, чтобы не достались врагу наши «катюши». Трудно, конечно, было, хоть и шли по партизанской зоне: не могли партизаны нам ничем помочь — сами бедствовали, а нас ведь полторы тысячи было...

В тылу было ничуть не легче. Судите сами: гитлеровская Германия, на которую работала промышленность всей Европы, выпускала 800 танков в месяц, а наша страна, лишенная сырья, голодная, разрушенная, производила 2000 танков... И погибали люди в тылу, может, менее заметно, но не менее героически. Мой отец погиб от истощения, он работал на Уралмаше и все силы отдавал фронту. И поэтому мы на передовой не знали голода, поэтому мы, выйдя из окружения, получали новую технику взамен уничтоженной, и поэтому мы победили. И не надо забывать о том, что сделали люди в годы войны, о тех, благодаря кому сегодня зреет рожь...

День и ночь в боях сменяя,

В месяц шапки не снимая,

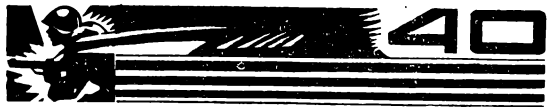
Воин твой, защитник-сын,

Шел, спешил к тебе, родная,

По дороге на Берлин...

Эдуард Эдуардович Калауза — токарь учебно-производственных мастерских.

— Когда мы вышли к Одеру, увидели указатель «До Берлина — 600 км». Через несколько недель беспрерывных боев я увидел Бранденбургские ворота. Широкие, над аркой — три коня, у одного снарядам отбиты половина головы. Немцы превратили ворота в передовую линию фронта. В центре — пушки, по сторонам — укрепления и валы. И когда наши танки, преодолевая огонь, врзались в пушки, — там началось такое месиво... А на следующий день мы увидели, как рядом над рейхстагом взвился советский флаг. В числе многих я поставил подпись на стене «Калауза Э. Э. с Урала. 7 мая».

Судьбы есть не только у людей, но и у целых армий. Двадцать вторая армия уральцев, выдвигаясь на рубежи обороны в июне 1941 года, с четвертого июля вела тяжелые бои на рубеже За-

падной Двины севернее Витебска. После двухнедельного сражения, в ходе которого уральцы удерживали свои позиции, армия была вынуждена отойти на новые позиции. На дорогах ее отступлений лежали районы Советской Белоруссии — Освейский, Россонский, знаменитая еще по Отечественной войне 1812 года Клястица.

● ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ

БЕЛОРУССКИЕ ВСТРЕЧИ

Потом было много месяцев и даже лет войны, а в июле 1944 года судьба распорядилась так, что армия, в которой служил и я, снова перешла в решительное наступление на фланге группировки фронтов, участвовавших в операции «Багратион», и победные ее пути снова пролегали в тех же самых местах, которые так обильно были политы кровью воинов уральских дивизий. Снова встретились мы со знакомыми именами городов Освея и Россон, снова мы вошли в Клястицу...

Все было так. Сбитый со своих позиций противник (так писали в официальных военных документах) начал отход на запад. На острие преследовавших войск шла танковая бригада с десантом пехоты. Для управления боем командующий армией генерал-лейтенант Г. П. Коротков сформировал небольшую группу старших офицеров штаба, которая сопровождала его на танках той же бригады. В их числе был и я — тогда старший помощник начальника связи армии. Первые самые радостные встречи с жителями освобожденных районов остались в памяти навсегда. А районы эти были героические. Четыре района Белоруссии, в центре которых был Россонский, после того, как фашистские армии прокатились в июле сорок первого на восток, организовали свою партизанскую армию, заблокировали входы на территорию этих районов и сохраняли все порядки советской страны, не пуская к себе фашистов. Только в августе 1943 года фашисты бросили против них две дивизии и вынудили партизан уйти в леса, куда вместе с ними переселились и тысячи мирных жителей героической белорусской земли.

Радостной была наша встреча с этими людьми. У нас на глазах они выходили из лесов, выходили с истощенными детьми. Слезы лились по их лицам, и были они слезами радости, радости освобождения, радости победы. Видели они выжженную землю, разрушенные города, но они были снова их, советскими, родными. От города Освея не осталось ничего, кроме бесформенной груды кирпичей, из которых когда-то была сложена церковь. Вместо деревьев были следы пожаров, и одино-

кие, обгоревшие деревья еще напоминали, что была когда-то здесь жизнь ключом. Не знаю, почему фашисты не сожгли уютный городок Россон. Но вид города поразила нас. Он стоял на вид цел-

ый, а улицы все заросли лебедой и крапивой. Напоминал он заколдованное царство: город есть, а жизни в нем нет. Фашизм хотел сделать нашу землю такой мертвой землей.

Поразили также разрушения на железной дороге. Педантично разбивали немцы каждый рельс, дробя его на куски при помощи тупой и послушной машины. (Партизаны через несколько дней пустили ее под откос чуть подальше к западу). Такой мы увидели Белоруссию: разрушенной, но не покоренной, торжествующей победой.

Теперь уже немецко-фашистские солдаты оказались в тяжелом положении. Усиленный их батальон, до тысячи солдат и офицеров, при стремительном движении наших танков, не успев отойти и оказался окруженным в тех самых лесах, в которых томилась и голодала жителя Клястицы, Освея, Россон. Мне пришлось проследить с самолета ПО-2 (у нас была эскадрилья связи) их расположение в лесу, оборонные работы, которые они уже вела, но все же еще вели. Можно было заметить, что все они разбиваются на маленькие группы, нет воинской организации, нет и дисциплины.

И вспомнил я своих товарищей, погибших здесь же, на этих дорогах, в этих же лесах в тяжелом сорок первом. Было жалко, что не видят они победного нашего движения, и все же думалось, в это движение вложены и их силы, их кровь, их жизнь.

И. ДЕРГАЧЕВ, подполковник в отставке, профессор.

Снимок этот сделан в 1941 году. Три девушки читают письма с фронта. Кто они — мы не знаем. Вглядитесь в эти лица, может быть, они знакомы вам?

Письма с фронта... Дорогие строки, не только рассказывающие о житейном бытии бойца, но и вселяющие в сердца веру — жив солдат. Разные это были письма, написанные несхожими людьми, но едиными в своей ненависти к врагу, в твердой уверенности — победа за нами.

Вчитайтесь в эти строки: ведь в них — героическая и суровая правда войны. В них — отблеск Великого Дня Победы.

ДАВЫДОВ Евгений Николаевич — студент исторического факультета. **Сержант, пулеметчик. Пал в бою под Новгородом в январе 1944 года.**

«Неустраима моя вера в жизнь. Великое время! Я историк, но что мне Греция и все деяния прошлого, когда не было и не будет эпохи более напряженной, ответственной и прекрасной. Великие битвы впереди и я — участник!»

(Из письма матери от 9 мая 1943 года).

БЫЧКОВ Петр Васильевич, студент исторического факультета. **Разведчик. Погиб в декабре 1941 года.**

«...Главное на фронте — отчаянное хладнокровие и сметка. Береги свою жизнь, если есть возможность, а если нет, отдай только тогда, когда ее окупит 2—3 фашистскими жизнями...»

(Из письма к родным от 19 августа 1941 г.).

ЗАНДВОРОВ Владислав Леонидович, студент геологического факультета. **Писатель и поэт. Командир подразделения минометчи-**

ков. Погиб в ноябре 1942 года под Сталинградом.

«Знаешь, родная, я часто думаю о том, как будут жить люди после войны, — мне кажется, что за это время все так научатся це-

(Письмо сестре от 30 марта 1945 года).

ПОДОКСЕНОВ Григорий Михайлович, студент факультета журналистики. **Майор. Литсотрудник дивизионной газеты. Победу**

● ПИСЬМА С ФРОНТА

Дыхание оживших строк

жить жизнь — даже в самых простых ее проявлениях, что каждая секунда ее будет радостна и каково движение благостно. А, может, это только так кажется...»

(Из письма жене от 12 октября 1942 года).

ШОЛОХОВИЧ Фридрих Акимович, студент физико-математического факультета. **Гвардии рядовой. Начальник радиостанции. Награжден орденом Красной Звезды, медалями. Ныне профессор, начальник вычислительного центра университета.**

«Здравствуй, Неля! Я нахожусь в центре Восточной Пруссии... На днях мы должны покончить с последними фрицами. Положение их плачевное. Многие не выдерживают и сдаются в плен. Немцев защищает несколько линий траншей, противотанковый ров шириной 25 м, наполненный водой. Но никакая оборона не спасет их от гибели... Недавно я награжден орденом Красной Звезды. Желаю счастья. Твой брат Фридрих».

встречал в Берлине. Награжден орденами Отечественной войны, Красной Звезды, медалями. Ныне журналист.

«Буду мстить за поруганную честь и свободу моих соотечественников. Вся наша армия, весь советский народ полны священной ненависти к оккупантам. Такой народ не может не победить...»

МУРЗИН Алексей Федорович, студент факультета

журналистики. **Командир взвода разведки агитбригады. Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны, медалями. Ныне журналист.**

«Родина доверила нам оружие, чтобы мы могли защищать свое и ваше право на мирную жизнь. Мы обещаем, что где бы мы ни были, как бы нам ни было трудно, мы будем высоко держать честь университета».

(Из письма в университет 1941 года).

МАРКУЛАН Янина Казимировна, студентка факультета журналистики. **Корреспондент дивизионной газеты. В мирное время — доктор искусствоведения, профессор, зав. сектором кино Ленинградского института театра, музыки и кинематографа.**

«Это было по сути дела мое первое боевое крещение. Весь горизонт покрывали густые столбы дыма, гул стоял невозможный... Вечером приехала в редакцию, срочно сделала материал. Завтра опять еду на передовую. Работа требует большого напряжения,

но зато очень увлекает и дает удовлетворение».

(Из письма на факультет журналистики).

Война оставила горький след в каждой семье, но вызвала и лучшие чувства. Для многих они связаны с пожелтевшими листами фронтовых писем. Берегите их как дорогую реликвию, как святыню, сохранившую тепло сердец тех, кто свершил беспримерный подвиг.

● ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

Рукопожатие Крыма и Урала

Крымская археологическая экспедиция института Уральского университета... Казалось бы, что может связывать суровый Урал и солнечный Крым? Но сейчас уже просто невозможно представить факультет без этого научного направления изучения истории и археологии Таврии, без той крепкой дружбы, которая связывает нас с Херсонесом.

Все началось в сентябре 1941 года. Фронт стремительно приближался к Крыму, нависла угроза над Севастополем. Наркомпрос РСФСР, в ведении которого находился Херсонесский музей, отдал приказ об эвакуации научного архива, библиотеки, фондов в Свердловск. И нужно представить обстановку того сурового и тяжелейшего для нашего народа времени, чтобы понять и почувствовать, какая ответ-

ственность легла на плечи людей. Казалось бы, какую ценность сейчас имеют фонды музея по сравнению с вооружением, техникой, эвакуируемой на восток промышленности? Но люди понимали, что и это тоже нужно спасти, и пусть не сейчас, потом, но это будет нужно науке, нужно детям.

И вот сопровождать грузы взялся из этого готовившийся к уходу в партизаны С. Ф. Стржелецкий (назначенный до него человек просто отказался). Сотрудники с большим трудом изготовили тару сомнительной прочности, упаковали грузы и сами воздвизли на теплоход. 18 сентября Станислав Францевич отправился с фондами на Новороссийск, а оттуда — в Грузию. Удалось оторваться от подводной лодки противника, но в пе-

реди ждали не меньшие трудности.

В городе Потти (Грузинская ССР) о грузах ничего не знали. Пришлось занять чужой вагон, к тому же шли дожди, и при ветхой таре это было угрозой сохранности бесценных грузов. Не было совершенно и финансовых средств — поэтому пришлось задержаться до 10 октября. Ходатайства Академии наук Грузии сделали возможным дальнейшее продвижение на Баку. Но и здесь были постоянные задержки, так что С. Ф. Стржелецкому пришлось добираться до Баку в общей сложности месяц. Прибыв туда 12 ноября, он получил категорический приказ разгрузиться под дождь и снег.

С невероятными трудностями удалось найти судно на Красноводск — и вновь неудача: проналя

негативы, находившиеся в ящиках из-под сливочного масла. После длительных поисков в порту их все-таки удалось найти в сохранности и 22 ноября С. Ф. Стржелецкий с грузами прибыл в Красноводск. Вновь погрузка в вагон и следование до Свердловска, в который Станислав Францевич прибыл через месяц 26 декабря. По дороге туда приходилось обращаться в органы НКВД. Казахстан и Урал встретили этого мужественного человека после южных дождей жестокими тридцативосьмиградусными морозами.

Без денег, в вагоне с фондами, под дождями и морозами, не сломленный неудачами, испортив верхнюю одежду, 103 дня добирался Станислав Францевич до Свердловска и все-таки доставил

не имеющий цены для науки и культуры груз!

Музей находился до конца войны в Свердловске, на улице К. Либкнехта, 49. А вскоре на имя хранителя музея С. Ф. Стржелецкого поступило заявление от доцента Е. Г. Сурова с просьбой разрешить ему работать над материалами музея. Но ведь и Херсонесскому музею тоже требовалась помощь от уральцев в разработке классификации, учете материалов и подготовке временной выставки экспозиции отделов музея. И здесь на помощь пришли Е. Г. Суров и студенты пединститута.

Так стала закладываться наша дружба, которая не ослабла и после эвакуации Херсонесского музея в Севастополь. После открытия города наш университет первым из вузов страны в 1958 году начал раскопки в Херсонесе.

Ю. БУСЫГИН, студент V курса исторического факультета.

На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой,
Не прожить, как без махорки,
От бомбежки до другой.
Без хорошей поговорки
Или присказки какой.

Узнали? Да, сегодня гость «Кафедры сатиры и юмора» Василий Теркин. Вот он сворачивает самокрутку и начинает свой рассказ. О чем он? О фронтовых буднях, на которые взглянул он немножко по-иному, со-ответственно своему характеру. Смех, сатира — оружие, разящее наверняка. И тут уж русскому солдату нет равных.

1. Плакат В. Высоцкого, 1942 г.
2. ГИТЛЕР И ЗЕРКАЛО.

Гитлер (примеряя наполеоновскую треуголку):

— Как он, легко вхожу в азарт, Пожалуй, даже ростом выше... Ну, чем же я — не Бонапарт!?

Зеркало: — Умом, ты, батенька, не вышел. Наполеона воздушный шарик.

А уж тебя-то — и подважно!..

Рис. Б. Лео, Текст А. Флита, 1941 г.
3. ОРЕЛ!

РЕШКА!
Рис. Д. Циновского, 1943 г.

И в суровые военные годы продолжалась учеба в университете. Нелегко было студентам сороковых: не хватало чернил, бумаги, не на чем было сидеть... Но студент всегда остается студентом. Он не теряет чувства юмора и в тяжелое время.

Зарисовки с натуры

Вот, например, листовка от 6 июля 1941 года, выпущенная студентами физико-математического факультета, работавшими на строительные заводы в Алапаевске. Автор ее — студентка Евгения Федоровна Шабалина, ставшая позднее старшим преподавателем университета.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

С 7 часов утра до 6 вечера 7 июля в Алапаевском лесу состоится бал лесорубов. Проводятся игры с топором, откомаринные танцы на приз. Приглашаются все желающие, принуждаются нежелающие.

Сатирическая газета 1941 года физико-математического факультета «Зарисовки с натуры» выпускалась в единственном экземпляре на нескольких листах формата в полтетрадную страничку. Простые и цветные карандаши — основное орудие редакции, зорко подмечавшей недостатки, писавшей о них остро, по-боевому.

Редактором «Зарисовок» была студентка Евгения Шабалина.

И снится чудный сон студентам.

Им снится, будто бы бюро,

Взяв пригласительным билетам,

Прослушать лекции пришло.

(2 из 3-х членов факультетского комсомольского бюро систематически пропускают лекции).

Зерно жемчужное, что Мезгирем воспето,

Цены той не имело,

Как зернышко, что в наших кабинетах

Зовется просто мелом.

ПОСЛЕ ВЫСШЕЙ МАТЕМАТИКИ

Задачи такой мы не в силах решить —

Все части в руках, а замок не сложить.

(В университете появились «секретные» замки, целая группа студентов не смогла закрыть на такой замок дверь аудитории после занятий).

Часть первая

Существенная поправка

Офицер Карл Влиппе печально оглядел остатки своего батальона и, стараясь скрыть следы нервного возбуждения, обратился к солдатам с речью:

— Солдаты, — начал офицер, — запоярный климат, видно, плохо действует на ваши нервы. Вы ругаетесь, задаете всякие неуместные вопросы, а вчера при первых же выстрелах русской артиллерии вы разбежались в разные стороны. Один только Фриц Зуммер не побегал. А все почему? Все потому, что у Фри-

● ИЗ РАССКАЗОВ КОСТИ ПЕРЦЕВА

МИХАИЛ ЛЕВИТИН

АРИЙСКИЕ НЕРВЫ

(короткий роман)

ца Зуммера крепкие нервы!

Влиппе хотел было продолжать речь, но от одного воспоминания о советских артиллеристах лицо у него перекошилось, и язык прилип к гортани.

Кто-то из стоящих у дверей солдат тихо сказал:

— Разрешите, ваше

благородие, фактически справку дать. Возможно, что нервы у Фрица Зуммера и крепче, чем наши, но только здесь еще одну деталь учесть надо. Ему, ваше благородие, снарядом обе ноги перешибло... Поэтому, может быть, он и не побегал.

— Молчать! — с трудом выкрикнул Карл

Влиппе и грохнулся со стула...

Через пять минут офицера Карла Влиппе увезли в госпиталь.

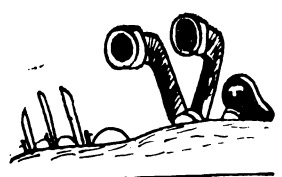
Часть вторая

Неожиданный конец

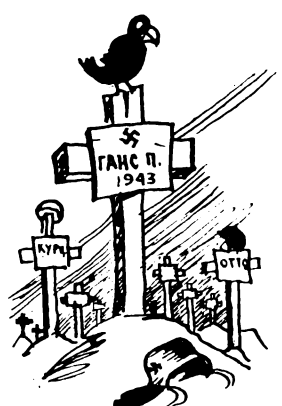
«Вечером врач докладывал генералу:

— Ничего страшного, ваше превосходительство! Карла Влиппе разбил паралич. Проклятые нервы! Не понимаю, почему здесь, на севере, все стали такими нервными? Нервное расстройство — это прямая дорога в сумасшедший дом. Возьмем, к примеру, офицера Макса Гадюкку. С тех пор, как русские артиллеристы обстреливают наши

4. В НЕМЕЦКИХ ОКОПАХ.

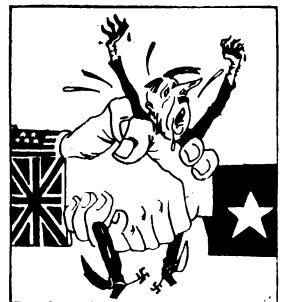

Утро и вечер.
Рис. Ю. Узбекова, 1942 г.

5. Территория, прочно занятая гитлеровцами.

Рис. Н. Коваленко, 1943 г.

оберу один листок. Прочел его Шульц и позеленел весь. На листке было написано: «Спасибо за сообщение. Сейчас приду. А насчет пункта Б. сврал ты, сын собачий! Смотри, впредь чужих собак не трогай! Она хоть и немецкая овчарка, но вам служить не хочет. Старший лейтенант Гуццин».

Через час обер-лейтенант Отто Шульц стоял побелевший перед старшим лейтенантом Леонидом Гуцциным, у ног которого, часто дыша, сидела овчарка.

С. СЕМЕНОВ.

блindaжи, Макс Гадюк-ке совсем потерял рассудок. Он ходит и всюду называет себя императором Вильгельмом. Это страшно глупо. Тем более, что покойный император Вильгельм совсем не он, а я.

— Еще один сумасшедший! — печально произнес генерал. — Если так пойдет и дальше, то скоро в дивизии, кроме меня, ни одного здравомыслящего человека не останется. Проклятые нервы!

Сказав это, немецкий генерал влез на табуретку, ударил в ладоши и громко закукарекал.

1943 г.